

ЧТО ДЛЯ МЕНЯ ГЛАВНОЕ

(Беседа с прозаиком и поэтом В. П. Пустовитом)



— Валентин Петрович, признаюсь: приятно, что первый литератор, получивший Высший знак отличия Камчатского края «За заслуги перед Камчаткой», состоит в нашей писательской организации. Эта награда, наверное, для тебя значит многое?

— Конечно. На Камчатке я живу с восьмью лет, всё связано с нею. В прошлом веке никогда не входил в число отмечаемых, но это меня особо не трогало: понимал, какое творчество власть ценит, а какое — нет, и что так у них заведено.

— Но в XXI веке всё изменилось: в 2012 году ты получил государственную премию Камчатского края по литературе.

— Как раз я тогда выпустил «Дождь Листовенницы» — из моей прозы самое, пожалуй, спорное произведение. Его поначалу даже не хотели издавать. Роман пытались свести к интимной близости героев, хотя он совсем о другом, но я убеждён, что эти отношения влияют на все остальные сферы жизни. Поэт Алексей Власов, как и большинство читателей, всё понял верно: «Прочёл, не отрываясь, роман до конца. Тот раз — в компьютере, думал, преобладает эротика, а сейчас — нет: такое нежное отношение к женщинам. Да, идеальная любовь».

Запретных тем в искусстве нет. Главное — не что ты изображаешь, а — как. Я подхожу к описанию интимных сцен с большой осторожностью, крайне деликатно, и ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь обвинил меня в пошлости.

— Мы о твоём «Дожде...» ещё поговорим. Поэт и прозаик в одном лице — не столь частое явление. Что позволяет тебе успешно осваивать оба жанра?

— Поэзия таит много преимуществ, она возвышается над прозой. Но читательская аудитория у прозы значительно шире. И всё же не этим она привлекла меня. К 30 годам я понял, что многое, о чём хочется рассказать, просто «не ложится» в поэтическую строку. Тут, понимаешь, какая штука. Поэзия не требует такой длительной работы. То есть работа идёт, но в подсознании, ты её не чувствуешь. Созрело стихотворение — бери ручку и записывай. Не то проза. У нетерпеливых (холериков и сангвиников) ничего не выйдет. Обдумываешь порой предложение чуть ли не по часу. От характера многое зависит и от жизненного багажа. Лучше всего брать за прозу лет в 30–35. В расцвете

сил, не утрачена свежесть восприятия, да и кое-что уже видел и пережил. Всё остальное зависит от природных данных.

Я в прозе сразу взялся за крупную форму — повесть. Писал её в застойные годы без малейшей надежды на публикацию (во всяком случае, при жизни), заведомо «в стол». Но об этом не думал. Увлекал сам творческий процесс. Писал с удовольствием, наслаждаясь каждым удачным словом, фразой, метафорой, вырабатывая свой стиль, широко используя народный лексикон.

Отрывки из «Солнца изнутри» увидели свет лишь в 1990-х, хотя повесть была готова ещё в 1979 г., правда, без последней главы. Она родилась в 2005-м, спустя четверть века. Значит, раньше для её написания мне недоставало жизненного опыта.



Орден «За заслуги перед Камчаткой» №003, врученный писателю В. П. Пустовиту

Ты не представляешь, что такое дать счастье хотя бы одному человеку, пусть не в жизни — в искусстве. А тут их двое. Вот и думаю, что важнее — философские проблемы, о коих так жарко спорят в книге, или Любовь.

— Помнится, в газетном репортаже 2006 года с презентации книги «Солнце изнутри» я по поводу выхода повести употребил слово «не современная», и тебе оно не понравилось.

— Да, меня резануло, но ты же оговорился: рукопись не должна лежать без движения столько лет. «Чтобы идти дальше, автор должен... вывести её в люди». Но я был убеждён, что повесть не утратила актуальности. Судя по отзывам, многие читатели тоже так считают. Вот недавно и наш литературный критик Николай Палубнев на заседании читательского клуба при краевой библиотеке заявил, что всё в «Солнце изнутри» происходит вне времени. Действительно, тема — вечная.

А насчёт непривычности языка, мой коллега Владимир Коянто (Косыгин) заметил: «Не скажу, что повесть читается легко. Первую главу одолел с трудом. Понимаю, почему. Мы отучились от русской речи, русского языка. А именно таким языком написано «Солнце изнутри» — повесть о «маленьком человеке», о котором забыли в советские годы, а сейчас тем более. Автор пишет в традициях русской классической литературы. Повесть «Солнце изнутри» оправдывает название. Она излучает свет, согревает душу».

Ты спрашиваешь, как совмещаются проза и поэзия. На примере «Солнца...» скажу: его я писал только по вдохновению. Как стихи. В повести очень много поэтических обра-

зов. Поэзия не скована размером и чувствует себя куда вольготнее, нежели в стихах. А от поэтичности проза всегда выигрывает: её лучше принимает читатель.

— У тебя немало гражданских стихов, содержащих мощный эмоциональный заряд, к тому же, с «юношеским задором», какой был присущ поэтическому эшелону 1960-х. Что это? «Родимое пятно» юности?

— Если ты о «шестидесятниках», то меня с ними связывает только одно: ассонанс (неточная рифма). Впрочем, иной раз я вообще жертвую рифмой ради смысла, а он всегда важнее формы. А «родимое пятно» юности, пожалуй, есть. В поэзии я зачастую смотрю на жизнь глазами себя 20-летнего.

— Говорят, в пору «хрущёвской оттепели» была мода на протестные стихи, и их не писал только ленивый.

— Не смей меня. Занятие это во все времена сопряжено с опасностью: когда для благополучия, а когда и для жизни. Протестные стихи писали те, кто не мог этого не делать. Поэт, по сути — пророк. Такова его природа. К слову, я читал в ту пору свою «Просительную пятницу», в основном, простым людям (они надёжнее), ничего не вышло наружу; правда, и тогда подсылали провокаторов. Но народ в массе своей был, конечно, другой — умнее, образованнее и совестливее. Но всё равно надо знать кому читать и где.

— И всё-таки ты — лирик. Я сужу по таким стихам, как «Любовь», «Ночью», «Ветер», «Мёд»... В том же ряду самое свежее стихотворение «Петербургская сюита» (сборник «Камчатка-2020»).

— В самом деле таких стихов больше всего. Но это не намеренно. Пишу, как Бог на душу положит. Никогда себя не насилю. Идёт — идёт. Нет, ну и ладно. Лозунг «Ни дня без строчки» не для меня.

Сейчас поэзия явно утратила былые позиции в обществе; не верят, когда я говорю, что в 1960-е юноша, не интересующийся поэзией, считался дремучим, и девушки быстро теряли к нему интерес. Между тем, сила поэтического слова огромна. Она в любую эпоху способна всколыхнуть сердце каждого человека — даже того, у кого сердца, как будто бы, нет.

— Знаешь что объединяет твою прозу и поэзию, независимо от тематики, сюжетов и всего остального? Преодоление одиночества. Согласен?

— А что, можно посмотреть и под таким ракурсом.

— Наиболее выпукло это видно в «Дожде Листовенницы». Притом мне показалось, что там присутствует личный опыт автора...

— Пожалуй, да. Ежели бы я тогда не холостяковал, никогда бы не написал этот роман. Многие до сих пор считают, что я и моя теперешняя жена — прототипы, и бесполезно разубеждать их. «Дождь...» создавался как мечта о соединении двух половинок, но написал я его с тоски, и когда поставил точку, удивился, что роман получился светлым.

— Я убеждён, что «Солнце...», «Дождь...» и «Ветер...» — своеобразная трилогия, особенно в смысле финала. Повесть — встреча двух одиночеств, первый роман — рождение семьи, второй — семья в развитии. Не случайно же мне запало в душу одно место из романа «Ветер во сне». Вот это: «На женщине была жёлтая блузка, чёрного цвета юбка, перехваченная лакированным пояском, капроновые чулки и туфли на низком каблучке — в чём ходят на работу конторские. Но она выделялась из их числа крутыми бёдрами (впрочем, кру-

тыми в меру); радовали взгляд также степенно-пышные груди, они свежо и светло оттопыривали ткань. Крепкие стройные, коричневые не от капрона, а от солнца, ноги соответствовали её фигуре. Лицо, тоже загорелое, выражало лёгкую усталость, умиротворение и интерес к жизни, какой всегда отличает замужних женщин — здоровых и незануждённых — довольных судьбой... И защемило сердце: он вдруг отчётливо-ясно, с грустью и тоской, понял, что у него никогда не было и не будет такой женщины...»

— Герою, затерянному среди серой, скучной и нищей жизни, нельзя рассчитывать даже на такую женщину. Зато, неожиданно переместившись в параллельный мир, и став тем, кем он должен быть — штабс-капитаном Русской армии — он женится на замечательной девушке из благородных, и они проводят свои медовые дни в домике на Петровской сопке — уютном островке покоя посреди бушующего океана гражданской войны. Это и есть настоящая жизнь!

— Но ведь это — в романе-фэнтези. Мы знаем, что и Москву казаки не освободят в 1922 году, и с Камчатки уйдут в изгнание за кордон... Мечты-мечты...

«Мы вернёмся сюда через век и войдём в мегаполис без боя, развивая духовный успех с благодатным огнём аналога».

— Чувствую, ты хочешь спросить меня об истории, её связи с литературой, и не только ли им вдвоём в моей «торбе». Не тесно. Они давно притёрлись. Ещё с поры «Старого вальса» (а это 1965 год), где впервые пахло гражданской войной. В протестных виршах тоже проглядывало прошлое. А потом началась серия

«История России в диалогах» с известными личностями: Авакумовым, Ломоносовым, Княжнинным, Пугачёвым, Павлом I, Аракчеевым, Скобелевым...

Что касается исторических исследований, то они мало повлияли на литературное творчество. Скорее, наоборот: писательскими средствами я постарался оживить минувшее. И лишь в роман «Ветер во сне» попал оставшийся в архивах эпизод: бой на Петропавловской ферме. Я воспроизвёл, понятно, с изрядной долей художественного вымысла. Эта глава («Играя себя»), на мой взгляд, одна из самых ярких.

— А тебя вполне устраивает то, что сейчас для основной читательской аудитории ты не столько писатель, сколько историк, автор документальных очерков и прежде всего, раритета «Тайная история Камчатки: век XX»?

— Ну и что! Главное, чтобы мои книги — как художественные, так и документальные — приносили людям пользу. Благодаря стечению обстоятельств я оказался в должности директора ЦДНИКО (бывшего партийного архива Камчатского обкома КПСС) и исполнил свой гражданский долг: на основе рассекреченных в постсоветское время документов поведал землякам-камчатцам, что на самом деле происходило у нас в крае в разные периоды XX столетия. Надеюсь, знание прошлого позволит им понять настоящее и заглянуть в будущее.

Беседовал Александр СМЫШЛЯЕВ,
Фото автора